

Ю. СОТНИК

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНИЯ

ДЕТГИЗ

с-67

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ю. СОТНИК

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНЬЯ

Рисунки И. Семенова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

47

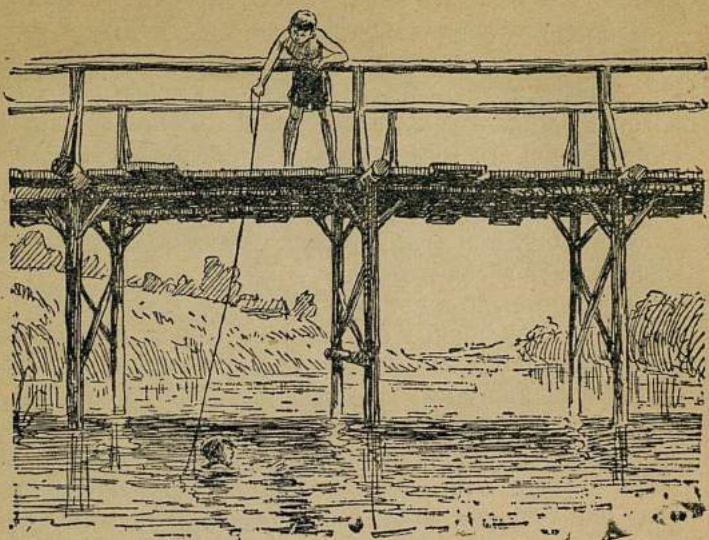
90336

59

695275 к.р.с.

Российская государственная
детская библиотека

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНЬЯ

Мы с Витей Гребнёвым и ещё пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по речке Синеи. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелёгкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил двухвесельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то флегматичный. Он предпочитал быть за рулевого. В одних трусах, в огромной соломенной шляпе, привезённой его мамой из Крыма, он сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно грёб, стараясь правильно дышать и не зарывать вёсел в воду.

Хорошо было в тот день на речке! Слева медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики городской окраины. Справа берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зелёных штыков, торчали листья осоки; за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывёт на лодке.

Мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончался. Дальше на левом берегу зеленели огороды, а внизу, под обрывом, тянулся узкий пляж с чистым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас тут было только два человека: Серёжа Ольховников и Женя Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытащили лодку носом на берег и сели на песок, но ни Серёжа, ни Женя нас не заметили. Они стояли метрах в трёх от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплёвывались, тяжело дышали, и лица у них были совсем измученные.

— Ты... ты, главное, спокойней! — говорила тор-

чащая из воды круглая Женькина голова. — Ты не колоти по воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый глаз его был закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказала Женькина голова. — Ещё разочек. Главное, спокойно!

Сергей лёг на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Но он продолжал выкрикивать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай!

Сергей быстро пошёл ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пупырышками. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-па-падай духом! — сказал Женька. — Посте-пе-пе-пенно научишься.

— По-по-подохнешь от та-та-та-кой науки!

Мы с Витей переглянулись. Витя лёг на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Серёженька, — сказал он, — хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-

кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвёл Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт! Сергей был одним из самых заядлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах, ватерлиниях и кильватерных колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода — учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи, о самом главном я и забыл! Поднимите руки, кто не умеет плавать!

Никто не поднял руку. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Серёжка! Ну, чего ты прячешься? Ты же не умеешь плавать!

Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Серёжка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот всё говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжёлый, и что у тебя удельный вес слишком большой для

плаванья. А я тебе скажу: враки всё это. Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей совести это будет? На моей.

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович. — Делу помочь нетрудно, я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: если ты к двадцать восьмому числу не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться.

Когда окончилось собрание, Сергей ушёл из школы, даже не взглянув на Евгения.

На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он всё ещё плавал, как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать.

Женька прилёг на песок, подперев голову рукой. Сергей попрежнему сидел, положив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... А теперь... теперь всё прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научишься, — ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научишься, научишься»! Уже три дня из реки не вылезает, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Ещё неделя впереди.

— «Неделя впереди, неделя впереди»! — опять закричал Сергей. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванию.

— Выдумываешь ты всё. «Организм»! — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой!

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом»! — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдёшь. Подвёл товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом»!

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые чёрные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подниматься по тропинке, ведущей с пляжа наверх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Женька! Куда ты? — окликнул я.

— Домой. Сейчас приду.

Женькин дом был совсем недалеко.

Минут через десять он вернулся. Он нёс длинную толстую верёвку, свёрнутую в кольцо; остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

Сергей только голову приподнял:

— Куда ещё?

— По новому способу учиться.

— По какому ещё способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты, чуть что, ногами на дно становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на верёвке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдёшь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет, — сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идём! Слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробовать! — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг всё-таки научишься да пойдёшь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять последнюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь верёвкой, завязав тройной узел на спине.

— Идём!.. А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился:

— Тут будем. Здесь глубоко. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергею было не больше чем по шею, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно. Однако вода была довольно мутная. Сергей потоптался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенёс через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полезай, полезай! — сказал тот.

Сергей обхватил руками сваю и пополз вниз, а Женька начал постепенно вытравливать верёвку, но так, чтобы она оставалась всё время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Перегнувшись через перила, Женька наблюдал за ним.

— Плыви! — скомандовал он.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил верёвку, он снова обнял сваю и повис на ней.

— Отпусти сваю! — сказал Женька.

Сергей молчал и отплёвывался.

— Отпусти, говорю! Что ты вцепился?

Сергей отпустил сваю и со страшной силой заколотил руками и ногами по воде. Женька быстро оттащил его подальше от сваи и закричал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгребай, плавно!

Но Сергей уже не слышал его — он исчез под водой, только круги пошли вокруг верёвки. Женька подождал секунды две, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни немного, — сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова скомандовал ему: «Плыви!» — и снова тот начал барахтаться,

а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгребай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вытащил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз.

Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К чорту! Не могу больше!» — что Евгений тут же подтащил его к свае и помог взобраться на мост.

— К чо-чо-чо-чорту всё это плаванье! К чо-чо-чо-чорту весь этот по-по-ход! — сказал Сергей и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решались его ругать.

— Не надо мне никакого похода! — повторил Сергей, проходя мимо.

Мы посмотрели ему вслед. Витя негромко сказал:

— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт, заболит с горя.

— Конечно, — ответил я. — Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут все пойдут, а он один будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не возьмёт? — сказал он, не поднимая головы. — Думаете, у меня совести нет?

Скоро Витя отошёл от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чём-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в другой конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнём чуток и ещё один способ попробуем. Только вы мне помогите.

Я присел перед ним на корточки:

— А что за способ?

— Мне Юрка Пospelов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, отплыл от берега и выбросил его за борт. Юрка подумал, что там глубоко, стал изо всех сил барахтаться, чтобы жизнь свою спасти, и поплыл... Поможете?

— Помочь, конечно, поможем. Только где ты найдёшь глубокое место?

— А глубокого как раз и не нужно искать. Нужно только сказать Сергею, что там с ручками.

— Против ивовых кустов есть такое место, — сказал я. — Там вода какая-то зелёная, тёмная — кажется, что и дна нет, а на самом деле совсем неглубоко.

Договорившись обо всём, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке — значит только растревать себя», но тут же стал помогать Виктору вычерпывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в неё. Нам так и не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на вёсла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пятьсот. Наша лодочка, тяжело нагружённая, сильно осевшая, медленно подвигалась против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Десятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до места, где под обрывом

росли кусты ивы, окунувшие нижние ветки в воду. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у!.. — протянул он. — Тут даже я не донываю.

Сергей посмотрел на тёмную воду.

Мы с Женькой перемигнулись. Я обеими руками упёрся Сергеем в плечо и толкнул его.

— Ой, что ты делаешь! — вскрикнул он и вцепился в борта.

Лодка сильно качнулась.

— Хватит дурить, вы! Перевернёмся! — сказал Витя, но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь.

Я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась Женькина голова.

— Где Серёжка? Серёжки нет! — сказал он и нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни Сергея. Только лодка плыла кверху килем да Витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорослей да Женьку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Женьки было серое.

— Серёжки нет... Серёжка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витьки нет! — ответил я, глотая воздух.
Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу Витькиным родителям, и о том, что если бы я выучил его вовремя плавать, всё обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Женькой и с Серёжиной мамой, и о том, каким образом всё-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевёрнутой лодки, которая шла боком к течению и которую отнесло уже метров на двадцать, доносились два испуганных, сердитых голоса:

— Женька! Володька! Сюда!

— Женька, где ты там?

Женькина голова на секунду появилась над водой:

— Нету их!

Голова снова исчезла.

Женька, наверно, сам умер бы под водой от разрыва сердца, если бы я насильно не вытащил его. Только теперь он слышал крики и всё понял. Быстрыми сажёнками мы догнали лодку, поймав по дороге плывшее отдельно весло и Витькину соломенную шляпу. Обогнув лодку, мы увидели возле кормы — Сергея, а возле носа — Виктора. Уцепившись за борт, они были по воде ногами.

— Становитесь на дно. Здесь мелко, — сказал Евгений.

Мы с Женькой страшно переволновались, пробыли

под водой, наверно, в общей сложности минуту, потом гнались за лодкой и теперь тащили её к берегу из последних сил.

Я только и думал о том, как бы преодолеть эти пять-шесть метров, отделявших нас от берега, и лечь на узкой, поросшей травой полоске земли под обрывом. Наконец мы добрались, но и тут нам не сразу удалось отдохнуть. Едва мы вышли на берег, как Сергей начал наступать на нас, приговаривая:

— Я вам покажу, как такие шуточки шутить! Я вам покажу, как такие шуточки шутить!

Он дважды шлёпнул меня ладонью по затылку. Витя вытряхивал из своей шляпы воду и громко одобрял Серёжку:

— Так им!.. Дай им ещё! Знают, что люди плавать не умеют, и такие шуточки выкидывают!

Потом они вскарабкались на обрыв и ушли. В другой раз ни я, ни Женька не спустили бы Сергею такого обращения, но теперь нам было всё равно. Мы не окликнули их: мы рады были, что они ушли. Сели на траву и стали отдыхать.

**

На следующий день я зашёл к Вите, чтобы объяснить ему вчерашнее происшествие и позвать тренироваться в гребле. Его не оказалось дома — мать послала его в магазин. Я оставил записку, в которой сообщал, что буду ждать его возле мостика, и, взяв лодку, отправился туда.

На пляже я увидел такую же картину, что и вчера: по грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала Женькина голова.

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай. Вот так! Смотри!

Женька медленно проплыл около Сергея.

— Ну, а я не так, что ли, делаю?.. Я же так и делаю!

— Значит, не так. Ну, давай! Ещё раз!

Через несколько минут сверху спустился Витя. Я стал рассказывать ему, почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго, подробно и вдруг остановился.

Всё время мы слышали, как Женька выкрикивает своё обычное: «Не волнуйся!», «Подгребай!», «Держи руки под водой!», а тут он вдруг закричал:

— Ну-ну-ну-ну! Ну, ещё... Ну так! Ну-ну-ну-ну!..

Мы оглянулись на речку, но Сергея не увидели. Однако через секунду он высунулся из воды.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька так же испуганно ответил:

— Серёжка, честное пионерское! Метра полтора!

Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб со лба, лёг на воду и, взбивая ногами пену, страшно вытаращив глаза, то открывая рот, то надувая щёки, двинулся к берегу.

— Серёжка! Хочешь верь, хочешь не верь! Два метра!

Похоже было, что Сергей и в самом деле не поверил. Стоя уже по колена в воде, он с улыбкой посмотрел на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Женька вышел на берег и бросился на песок.

— Всё! — сказал он. — Теперь он и сам из воды не вылезет.

Женька не ошибся. Мы уже начали кричать Сергею, что он весь посинел, что он зря так переутомляет-

ся, но Сергей всё барахтался, всё барахтался и с каждым разом, несмотря на утомление, держался на воде всё дольше.

— Женька! Друг! — закричал он неожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и стал кататься с ним по песку.

Когда Женька кое-как от него отбился, Сергей стал один прыгать и кувыркаться. Наконец он уселся, улыбаясь, весь облепленный песком.

— С девяти лет не мог научиться! — выкрикивал он. — Теперь посмотрим, Трофим Иванович!.. Отдохну немного — на боку попробую! Женька! Женечка! Друг! — И он снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Согревшись, Сергей опять полез в речку. Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговариваясь с Сергеем, давая ему всякие советы, я не сразу заметил, что Вити что-то не слышно. Я оглянулся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я догадался, о чём он думает. О том, что теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плавал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Женя говорил о проверке?

— О какой ещё проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванию проверить.

— Врёшь!

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого,

В двенадцать ноль-ноль, будет проверка. Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал...

— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Женя не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлёк оттуда половинку ракушки, осмотрел её, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай. Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

СОБАЧЬЯ УПРЯЖКА

Было пять часов вечера. Над рабочим посёлком цементного завода бушевал буран. Отчаянно болтались фонари на столбах. При их прыгающем свете было видно, как белыми извивающимися хвостами сметается снег с крыш домов, как сливаются эти хвосты с белыми клубами, летящими с неба, и со снежными смерчами, вздымающимися с земли, и как всё это мчится вдоль улицы, свистя и завывая.

Прохожие шагали согнувшись, спрятав головы в воротники, сунув руки в рукава.

Только двенадцатилетний Петя Зацепкин вёл себя иначе. Он шёл не по тротуару, а по сплошь заметённой мостовой, шёл против ветра, не пряча рук в карманы, высоко держа голову. Худощавая физиономия его выглядела сурово и решительно. Когда ветер достигал особенной силы, Петя сжимал зубы и ускорял

шаги. Лицо его принимало уже не суровое, а прямо свирепое выражение.

Петя был сегодня на новогоднем утреннике в школе, где присутствовал в качестве гостя приехавший в отпуск штурман полярной авиации Семён Григорьевич Бакланов. Петя и раньше увлекался книгами об Арктике. Теперь же, повидав настоящего, живого полярника, услышав его рассказы о полётах над Ледовитым океаном, о длинных переходах на собачьих упряжках, о работе метеорологов, ведущих свои наблюдения при девятибальном шторме, Петя окончательно решил: он будет заниматься гимнастикой по утрам, обливаться холодной водой, ходить на лыжах — словом, делать всё, чтобы подготовить себя к работе в суровых условиях Арктики. Когда под вечер разыгрался буран, Петя решил, что это прекрасный случай проверить свою выносливость, своё бесстрашие перед лицом стихии.

Ему представлялось, что выюга метёт не среди домов посёлка, а среди ледяных торосов и что он сам не ученик пятого класса Петя, а известный исследователь Севера Пётр Сергеевич Зацепкин, идущий с группой товарищей, с несколькими собачьими упряжками на помощь потерпевшему аварию и затерявшемуся во льдах самолёту. Все полярные радиостанции ждут сообщений от «партии Зацепкина», а его сообщения лаконичны и полны сурового мужества: «Пурга усилилась. Точка. Лица у всех обморожены. Точка. Половина собак околела. Точка. Продолжаем двигаться вперёд на помощь пострадавшим лётчикам. Точка».

Вдруг Петя очнулся от своих мечтаний. Навстречу ему сквозь крутящуюся снежную пелену быстро шли два человека. Ростом каждый был не больше Пети. Один был одет в длинный тулуп — по нему Петя

узнал своего одноклассника Пантелея; другой походил на большой чёрный шар, к которому приделали ноги в валенках. Петя догадался, что это Валерка, одетый в свою чёрную куртку из пышного козьего меха.

— Петька, мы к тебе! Дело есть: давай собак дрессировать! — прокричал Валерка.

— Зачем? — крикнул Петя, пожимая протянутую Валеркой руку.

— В сани запряжём. Экспедицию устроим. На собачьей упряжке. Хочешь?

Только сейчас Петя понял, в чём дело.

— Хочу, — сказал он. — Идёмте ко мне, обсудим.

Через несколько минут все трое, отряхнув с себя снег и сняв верхнюю одежду, уселись за накрытым клеёнкой столом в одной из комнат Петиной квартиры.

— Слушай, — заговорил Валерка, взобравшись с коленками на стул и наваливаясь животом на стол. — У тебя Шайтан, у меня Леди. А у Пантелея целых две собаки. Верно, Панька?

— Ага, — подтвердил тот. — Вот такие кобели!

— Слушай дальше, — продолжал Валерка. — Берём обыкновенные сани и приделываем к ним лыжи — вот тебе и нарты. Упряжь делаем из брезентовых ремней... Каникулы только что начались. Неделю обучаем собак, а потом — в экспедицию.

— А куда в экспедицию?

— Куда? В Соколовку!

Валерка сказал «в Соколовку» таким тоном, словно эта деревня находилась где-нибудь на Чукотке. На самом же деле от города до Соколовки было около девяти километров, если ехать просёлком. В Соколовке жила и работала учительницей Петина бабушка, были там родственники и у Валерки с Пантелеем. Петя пожал плечами:

— А что интересного в Соколовке? И так почти каждое воскресенье туда ездим.

— «Что интересного»! — передразнил Валерка. — Не в Соколовке дело, а в том, как мы туда пойдём. Мы туда не по просёлку пойдём, а напрямик через поле, по глубокому снегу, как в настоящей Арктике. Один будет впереди на лыжах идти, дорогу прокладывать, а двое — сзади на нартах ехать по очереди. В середине пути привал устроим и даже пищу на спиртовке приготовим из мороженого мяса.

— Спиртовки, небось, не достать, — заметил Пантелей.

— Ну, не спиртовку, так керосинку возьмём, — сказал Валерка. — Я возьму. У нас старая есть.

Петя выпрямился на стуле, посмотрел на Валерку, на Пантелея.

— То-ва-ри-щи, — отчеканил он значительным тоном, — это здорово! Это знаете какая будет тренировка!..

— А ты думал что? Не хуже, чем где-нибудь на Новой Земле. Мы с собой нарочно одну пару лыж возьмём — дорогу прокладывать. Разразится буря или выбьются из сил собаки — как хочешь, так и спасайся. Тут уж если слаб, значит всё, конец тебе придёт.

— Как бы только родители не узнали! — сказал Пантелей.

— А откуда они узнают? Мы скажем, что поехали по просёлку своих навестить, а сами, как выедем за город, свернём в сторону — и полем!

Выл ветер в трубе. Вздрагивали стёкла в окнах. Стучала неплотно пригнанной щеколдой калитка во дворе. Петя прислушался к этим звукам и вообразил себя мужественным и опытным начальником опасной

экспедиции — начальником, которому доверена судьба его товарищей, Валерки и Пантелея.

Стоя возле стола, он постучал по нему указательным пальцем:

— Имейте в виду, товарищи, путь будет опасный! Пройти на собаках по глубокому снегу такое расстояние — это вам не шуточки.

Валерка ходил по комнате, сунув пальцы за пояс брюк.

— Распределяю обязанности, — сказал он чётким командирским голосом. — С завтрашнего утра мы с Пантелеем делаем нарты, а Петька готовит упряжь. Послезавтра начинаем тренировать собак. Ясно?

Петя неприязненно покосился на Валерку: «Чего Валерка изображает из себя командира какого-то!» Он пренебрежительно усмехнулся:

— Насчёт упряжи — это, милый мой, всякий ребёнок знает. Нам надо так, товарищи, подготовиться, чтобы каждую мелочь учесть. Имейте в виду, товарищи, нам такие опасности могут встретиться, что...

— Давай бери бумагу и пиши, — прервал его Валерка. — Список пиши. Чего брать с собой в дорогу.

Петя и сам было хотел сказать, что нужно составить подробный список необходимого снаряжения, но, услышав приказание Валерки, возразил:

— Не в списке, товарищи, дело. Нам, дорогие товарищи, надо вот что придумать: во-первых, что мы будем делать, если разразится буря, во-вторых...

— Довольно болтать! — сказал Валерка, кладя перед Петей бумагу и карандаш. — Пиши!

Петя заложил руки за спину и уставился на Валерку:

— Чего ты тут, Валерка, командуешь? Ты что, командир?

— А чего ты всё болтаешь? Надо дело делать, а он всё болтает да болтает! Давай пиши!

— А я вот принципиально не буду писать! Принципиально не буду! И нечего тебе командовать. Нос не дорос.

Валерка пригнул голову и ссутулил плечи.

— Ты потише с носом-то! — сказал он, глядя на Петю исподлобья. — Я вот тебе покажу нос!

Петя вытянулся в струнку и даже привстал на цыпочки.

— А что ты мне сделаешь? Что ты сделаешь? — зачастил он пискливой скороговоркой.

Пантелей беспокойно вертел белобрысой головой:

— Ребята, ребята, ну чего вы там! Ребята, ну хватит! Ребята, чего вы, в самом деле?

— А чего он: «Нос не дорос»!

— А зачем Валерка командует? «Пиши да пиши»! Принципиально не буду.

— Ну, ребята, ладно вам, — говорил Пантелей. — Ну, давайте я буду список писать. Ведь поссоритесь, так вся экспедиция развалится. Ну, чего писать? А, ребята, чего писать?

Валерка сел на стул боком к столу.

— Нарты пиши и упряжь, — сказал он угрюмо, глядя куда-то в угол комнаты. — Потом керосинку пиши.

— Для керосинки керосин нужен, — не глядя на Валерку, сказал Петя. — Литра полтора.

— Пиши: керосину полтора литра, — проворчал Валерка.

Пантелей прилежно писал, склонив голову набок. Через десять минут ребята забыли о ссоре.

Поздно вечером Петя рассказал отцу и матери о затее с собачьей упряжкой. Он умолчал только о намерении ребят ехать в Соколовку целиной — сказал, что поедут по дороге.

Упряжь и сани готовили два дня. На третий день Петя вскочил в семь часов утра и сразу начал одеваться. Они с Валеркой и Пантелеем выбрали для обучения собак самое укромное место и решили прийти туда затемно, чтобы их не заметил кто-нибудь из поселковых ребят.

«Если хоть один мальчишка узнает, — сказал вчера Валерка, — вот увидите, со всего посёлка сбегутся. Какая там тренировка!»

«И ещё за нами в экспедицию увяжутся! — добавил Пантелей. — На лыжах пойдут провожать. Тогда никаких опасностей и трудностей не получится».

Только-только начинало светать, когда Петя вышел во двор. Небо было затянуто облаками, и мороз был совсем маленький. Из конуры вылез Шайтан и остановился перед Петей, позёвывая, потягиваясь и виляя чёрным косматым хвостом. Петя привязал к ошейнику кусок шпагата и повёл Шайтана на улицу.

Он благополучно, не встретив знакомых ребят, добрался до маленькой речки, огибавшей окраину посёлка. Противоположный берег речки был покрыт голыми кустами, сизыми от осевшего на них инея, а по льду реки тянулась санная дорога. Петя с Шайтаном спустился на лёд, прошёл по дороге сотню метров влево, затем свернул направо, в маленький овражек, склоны которого тоже были покрыты кустами. Здесь, на утоптанном снегу, стояли простые деревянные санки с приделанными к полозьям лыжами; возле санок переминались с ноги на ногу Валерка в своей шаро-

образной куртке и Пантелей в тулупе до пят. Валерка держал на поводке криволапую, приземистую и жирную собаку Леди. Пантелей привёл двух здоровых рыжих псов с глупыми глазами. Одного из них звали Бандит, а другого — Полкан.

Ребята поздоровались, поговорили минут пять об опасностях и трудностях будущей экспедиции, затем Петя сказал:

— Ну-с, приступим?

Уже рассвело. Было очень тихо. В воздухе плавали редкие снежинки.

Валерка расправил на снегу упряжь. Она состояла из длинного ремня, прикреплённого к санкам, и четырёх шлеек, привязанных к ремню попарно: две спереди, две сзади. Каждая шлейка была устроена так, что могла охватывать грудь, бока и спину собаки.

— Давай запрягай, — сказал Валерка.

Пантелей взял подмышки Бандита и поволол его к нарте. Бандит, почуяв недоброе, прижал уши и упёрся всеми четырьмя лапами. Когда же хозяин всё-таки запряг его, он завизжал и начал метаться по оврагу.

— Петька, держи нарты! — крикнул Пантелей. — Я Полкана сейчас...

Петя одной рукой вцепился в санки, а другой продолжал держать шпагатик, привязанный к ошейнику Шайтана. Полкан оказал сопротивление ещё более яростное, чем Бандит, а когда Валерка принялся запрягать Леди, началась такая кутерьма, что, наверно, в посёлке стало слышно. Бандит и Полкан с воем бросались то в одну, то в другую сторону, так что Петя и Пантелею пришлось лечь на землю, чтобы удерживать сани. Леди верещала и цапала Валерке руки. Видя это, Пантелей кричал:

— За морду её держи! За морду! А то укусит!

Петя подавал противоположные советы:

— Погладь её! Погладь! Она успокоится. Погладь её!

Один только Шайтан спокойно сидел на месте и смотрел на всё это представление, склоняя голову то на одну сторону, то на другую.

Наконец Валерка выпрямился. Лицо его было покрыто испариной, шапка съехала набок.

— Давай теперь ты своего Шайтана!..

Услышав своё имя, Шайтан поднялся на ноги, без труда выдернул шпагат из Петиной руки и затрусил по овражку.

— Валерка, лови! — взвизгнул Петя.

Валерка растянулся во весь рост на снегу и схватил Шайтана за заднюю лапу. Шайтан обернулся и вцепился зубами в его куртку.

— Скорее, вы! Кусает ведь! — закричал Валерка, не выпуская собачьей лапы.

Увидев, что от Валерки летят клочья чёрной шерсти, Петя и Пантелей отпустили сани и побежали к нему. Собаки рванулись и помчались вон из оврага. Валерка тут же выпустил Шайтана. Все три путешественника закричали: «Держи!» — и выбежали на дорогу, тянущуюся по льду.

По дороге шагала лошадь, запряжённая в дровни. Прямо на неё стремглав неслись собаки с болтающимися за ними нартами. Увидев собак, лошадь вытаращила глаза, попятилась так, что хомут наехал ей на голову, затем круто развернулась вместе с дровнями и поскакала обратно. Колхозница, сидевшая в дровнях, натягивала вожжи и кричала, собаки лаяли. Эти звуки постепенно замерли за поворотом реки.

Ребята стояли на дороге и молчали, глядя вдаль.

Минуты через две Валерка повернулся к Пете и сказал, оттопырив нижнюю губу:

— Иди вот теперь лови! Где хочешь, там и лови!

Петя приподнялся на цыпочки:

— Вот так здорово! А почему я должен ловить? Я, что ли, виноват? Мы из-за тебя санки выпустили, чтоб тебя же спасти.

— А из-за кого мне Шайтан куртку порвал? — закричал Валерка. — Из-за кого? Я, что ли, его выпустил?

— Ребята, ребята, хватит вам! Ну, чего вы опять! — забеспокоился Пантелей. — Пойдём все вместе и поищем собак. И всё в порядке будет.

— Принципиально не пойду, вот принципиально не пойду! — зачастил Петя. — Его никто не просил собаку за заднюю лапу хватать — нужно было за верёвку хватать. Он бы ещё за хвост её схватил!

— Ладно, — сказал Пантелей. — Не хочешь, так не ходи, мы с Валеркой пойдём... Правда, Валерка?

— Очень мне нужно за Петьку ходить и искать!

Видя, что ничего не помогает, Пантелей сам отправился на поиски собак. Некоторое время Валерка и Петя прохаживались по дороге, делая вид, что не замечают один другого. Потом им обоим стало совестно.

— Если он их даже найдёт, — сказал Петя, обращаясь к кустам на берегу, — так всё равно не справится. Их вдвоём еле удержишь, а он один.

Валерка приостановился:

— Пошли! Отыщем его!

Но далеко идти за Пантелеем не пришлось — он скоро сам показался из-за поворота, таща за собой всю упряжку. Псы покорно шли за ним. Языки у них свисали до земли. Шерсть взмокла и взъерошилась.

— Они вовсе недалеко убежали, — сказал Пантелей, широко улыбаясь. — Они как стали на бугор подниматься, так в кустах вместе с санками и застряли.

Ребята дали собакам прийти в себя. За это время Пете удалось подманить к себе Шайтана. Его запрягли. Шайтан хоть и поджал хвост, но не очень сопротивлялся, видя, что остальные собаки ведут себя довольно спокойно. Прошло минут двадцать.

— Похоже, отдохнули, а? — сказал Пантелей.

— Садимся? — предложил Петя.

Валерка поднял длинный верёвочный бич и стал на задние концы лыж, прикреплённых к полозьям. Петя с Пантелеем сели боком на санки.

— Но, пшёл! — крикнул Валерка и хлопнул бичом над головами ребят.

Псы вскочили и, поджав хвосты, бросились вправо. Пантелей spryгнул с санок и замахал на них руками в варежках:

— Куда! Куда! Прямо пошли, прямо!

Собаки шархнулись влево. Пете нельзя было spryгнуть с саней, так как Валерка держался за его воротник. Поэтому Пантелей обежал нарты и замахал на псов с левой стороны. Те в конце концов смекнули, чего от них требуют, и дружно побежали по дороге. Пантелей вскочил на санки. Все трое мальчишек пришли в невероятный восторг. Они хохотали, кричали. Валерка то и дело щёлкал бичом.

**
*

Прошло несколько дней. Каждое утро друзья тайком пробирались к реке и обучали свою упряжку. За это время Петя и Валерка поссорились ещё раз два и этим доставили большое удовольствие собакам, которые в такие минуты сидели и отдыхали.

Однажды в воскресенье Петины папа и мама побывали на речке и долго смеялись, глядя, как бегают собачья упряжка. Петин папа даже сам прокатился метров сто на санях, а мама сказала, что она не возражает против поездки ребят в Соколовку.

8 января 1951 года, в десять часов утра, наши путешественники двинулись в свой знаменитый поход. Перед этим все члены экспедиции собрались в знакомом овражке. Нарты были извлечены из густого кустарника, где их прятали. Собаки, уже запряжённые, сидели на снегу, позёвывая и поглядывая на хозяев, стоявших с вещевыми мешками за плечами. Валерка держал в руках керосинку, а Петя — список снаряжения. Глядя на список, он выкрикивал:

- Керосинка!
- Здесь, — отвечал Валерка.
- Керосину полтора литра!
- Налиты.
- Свинины один килограмм!
- У меня, — отвечал Пантелей.
- Кофейник!
- У меня!

Так были перечислены спички, компас, карманный фонарик, йод, бинт, кальцекус, касторка, крупа, соль, кофе «Утро» и три килограмма говядины третьего сорта ниже средней упитанности, предназначенной для собак. Хотя до Соколовки было не больше девяти километров, продовольствия запасли на двое суток, учитывая возможность бурана и другие случайности. На это продовольствие путешественники ухлопали все свои сбережения.

Метнули жребий, кому идти впереди на лыжах — прокладывать путь для собак. Жребий выпал Пантелею. После этого среди членов экспедиции воцарилось

торжественное молчание. На лицах у Пети и Валерки появилось выражение «суровой решимости». Один только Пантелей прозаически шмыгал носом.

Петя глубоко вздохнул:

— Что ж, товарищи, в путь?

— В путь, по местам! — сказал Валерка.

Твёрдым шагом он подошёл к саням и сел на них, поставив на колени керосинку. Петя поместился рядом с ним и снова вздохнул:

— Да, товарищи, что-то нас ждёт впереди?..

Пантелей нацепил на валенки лыжи, взял палки, прихватил в одну руку конец длинной верёвки, привязанной к упряжи собак. Верёвка сильно упрощала управление собаками, позволяя идущему впереди тянуть упряжку куда он хочет.

— Вперёд! — твёрдо сказал Валерка.

— В путь! — так же твёрдо сказал Петя.

Пантелей погасил собак вверх по овражку и скоро выбрался с псами, санями и седоками на широкое, тянувшееся почти до самого горизонта заснеженное поле.

День выдался ясный, морозный. Всё поле так сверкало, что у ребят ломило в глазах. Далеко-далеко, почти у самого горизонта, виднелась деревня Соколовка.

Снег был глубокий и довольно рыхлый. Пантелей и собаки быстро вспотели. У Валерки с Петей, наоборот, окоченели коленки, руки, замёрзли носы и подбородки, но, конечно, никто из них не жаловался. Петя даже с некоторым нетерпением ожидал, когда у него окончательно онемееет нос и его нужно будет оттирать снегом.

— Наверно, градусов двадцать будет, — заметил он небрежным тоном.

И хотя мороз не превышал десяти градусов, Валерка ответил:

— Может, и побольше.

Через четверть часа седуки заявили, что пора сменить Пантелея. На этот раз была Петина очередь идти впереди. Он быстро согрелся. Собаки всё яснее и яснее давали понять, что им не нравится прогулка по брюхо в снегу. Пока Валерка, передав керосинку Пантелею, размахивал над ними лыжной палкой, а Петя через плечо тянул верёвку изо всех сил, собаки, хоть и ковыляя и тыкаясь мордами в сугроб, всё-таки шли, но стоило только перестать тянуть, как они, словно по команде, садились отдыхать, свесив на сторону вздрагивающие языки и укоризненно поглядывая на ребят.

Но Петя был горд той выносливостью, с которой он тащил за собой не только санки с товарищами, но и четвёрку собак. Валерка был доволен тем, что, коченея всё больше и больше, он не издаёт ни единого стона. Пантелея не особенно радовало, что его, вспотевшего, так пробирает мороз, но он помнил поговорку: «Назвался груздем — полезай в кузов», и тоже не жаловался.

— Километра три в час делаем, — сказал Валерка, едва шевеля замёрзшими губами.

— Хорошо... хорошо, что торосов нет. В торосах... и за сутки т-такое расстояние не пройдёшь, — пыхтел Петя.

Прошёл час. Дома посёлка, трубы завода стали совсем маленькими, а Соколовка как будто и не приближалась. На горизонте виднелась всё та же мутная дымка, которую ребята видели в начале пути.

— Давай сменю, — сказал Валерка.

Взяв у Пети лыжи, он обмотал себя верёвкой и

двинулся было вперёд, но собаки как сели во время остановки, так и остались сидеть.

— Пошли! — крикнул Валерка, обернувшись через плечо.

Все четыре пса продолжали сидеть, а Леди подняла морду к небу и завывала. К ней присоединились Шайтан и Полкан с Бандитом.

— А ну, вперёд! — снова крикнул Валерка.

Повернувшись боком к собакам, он изо всех сил натянул верёвку и вдруг упал, провалившись одной ногой в сугроб.

— Вот так чорт! — сказал он, поднимаясь и разглядывая лежащую на снегу лыжу. — Крепление лопнуло. Ремень лопнул.

Петя с Пантелеем сошли с саней и, набрав полные валенки снега, приблизились к Валерке.

— Как же теперь? А, ребята? — озабоченно спросил Пантелей.

— Без паники, без паники! — сказал Петя. — Отрежем кусок верёвки и привяжем вместо ремня. А сейчас устроим привал.

Путешественники вытоптали в снегу небольшую ровную площадку и развязали вещевые мешки. Пантелей накормил мясом собак, причём те изрядно погрызлись между собой. Валерка с Петей зажгли керосинку и поставили на неё кастрюлю, насыпав туда снега. Затем все трое присели на корточки и стали греть возле керосинки руки. Петя обвёл глазами пустынное, сверкающее поле, посмотрел на Валерку, на Пантелея:

— А что, совсем как в Арктике — правда, ребята? Кругом ледяные просторы, ни одной человеческой души, а тут усталые собаки и три... этих самых... одиноких путника варят себе обед.

— Всё-таки здорово нам досталось, — сказал Валерка, — и никто не пикнул! Другие бы уж давно «мама» закричали.

— Никто и не пикнет! Правда, товарищи? Пусть любые испытания — всё равно к цели придём!

Пантелей приоткрыл крышку, заглянул в кастрюлю и добавил в неё ещё снега.

— Ага, — сказал он. — Сейчас бульончику со свиной покусам, силы прибавится — и снова в путь.

**
*

Ещё через час между посёлком и Соколовкой можно было увидеть такую картину: среди широкой, покрытой девственным снегом равнины сидели четыре дрожащие собаки, впряжённые в санки. Возле них на маленькой, вытоптанной площадке стояла керосинка с кастрюлькой, а возле керосинки приплясывали и хлопали в ладоши три одиноких путника с посиневшими лицами.

Пантелей наклонился над керосинкой и приподнял крышку с кастрюли.

— Ещё чуток не растаяло, — сказал он. — Мороз здоровый. Огонь воду греет, а мороз её снова студит. — Он исподтишка взглянул на Валерку с Петей.

Те пританцовывали, ни на что не жалуясь, но лица у обоих были такие злые, что Пантелей постарался улыбнуться сведёнными губами и бодреньким тоном проговорил:

— Вот это трудности так трудности! Правда, ребята, а?

— Только дурак мог такое придумать! — пробормотал Петя, глядя себе на валенки.

— Чего придумать, ну чего придумать? — переспросил Валерка.

— Ничего, — ответил Петя.

— Ничего, так и молчи!

— А вот принципиально не буду молчать. Вот ещё, зачем я буду молчать! Конечно, только дурак мог придумать, чтоб на керосинке в такой мороз варить.

— А если ты умный, то чего ж ты сам не сказал? Чего ты раньше молчал?

— Ребята, ну хватит вам! Опять, ребята, да? — Пантелей снова приоткрыл крышку и заглянул в кастрюльку. — Ребята, знаете что? Давайте хлеба поедим — и в путь. Трудности так трудности! Вроде как голодающие, правда, ребята?

Валерка молча взял Петину кастрюльку и бросил её вместе с водой в сугроб.

— Чего ты швыряешься чужими кастрюльками! — закричал Петя. — Иди, подымай теперь! Иди вот, подымай!

— А вот не подыму! — буркнул Валерка.

Петя вытянулся и подошёл к нему:

— Нет, подымешь! Нет, подымешь!

Пантелей молча полез в сугроб и извлёк оттуда кастрюльку, но было уже поздно. Пропедев сквозь зубы: «Иди ты ещё!», Валерка слегка толкнул Петю. Тот попятился, наступил на Леди, потом упал на Шайтана. Леди взвизгнула, Шайтан рывкнул. Собаки вскочили и неуклюже запрыгали по глубокому снегу, волоча за собой сани.

— Ага! Ага! — закричал Петя, указывая на собак. — Лови вот теперь.

— Сам лови!

— Нет, ты лови! Вот лови! Шайтан! Шайтан! Шайтан! — закричал Петя.

— Леди, ко мне! Леди! — надрывался Валерка.

— Полкан! Бандит! На, на, на! — манил Пантелей.

Долго зывали три одиноких путника среди снежных просторов. Собаки, наверно, только посмеивались, слушая их вопли. Скоро они превратились в неясное тёмное пятнышко.

Высоко задирая ноги, Пантелей выбрался к бивуаку.

— Всё! — сказал он осипшим голосом. — Теперь как бы взаправду тут не замёрзнуть! У вас верёвочки нет — крепление сделать?

Ребята долго шарили по карманам, но верёвочки ни у кого не нашлось.

— Придётся так идти, пешком, — сказал Пантелей. — Давай, Валерка, ты неси лыжи, а я керосинку. Потом ты понесёшь керосинку, а Петя — лыжи. Так и будем меняться. Собирайте вещи.

Покорно и молча Петя с Валеркой увязали и повесили за спины вещевые мешки. Валерка взвалил на плечо лыжи, Пантелей взял керосинку.

— Пошли! — скомандовал он.

Все трое полезли в сугроб.

**
*

Часто останавливаясь, для того чтобы перевести дыхание, меняясь поклажей, путешественники прошли метров сто тридцать и остановились по колена в снегу, совершенно измученные, задыхающиеся.

— Не дойти, — сказал Валерка.

Пантелей посмотрел на него в раздумье.

— Петька! Знаешь чего? Дай мне свой ремень от брюк. Я им лыжу к валенку примотаю, схожу в посёлок и достану вам лыжи.

Петя хотел спросить, почему именно он должен от-

давать свой ремень, почему именно они с Валеркой обязаны дожидаться на морозе, пока Пантелей будет ходить в посёлок, но не спросил ни о чём. Он молча снял ремень и протянул его Пантелею.

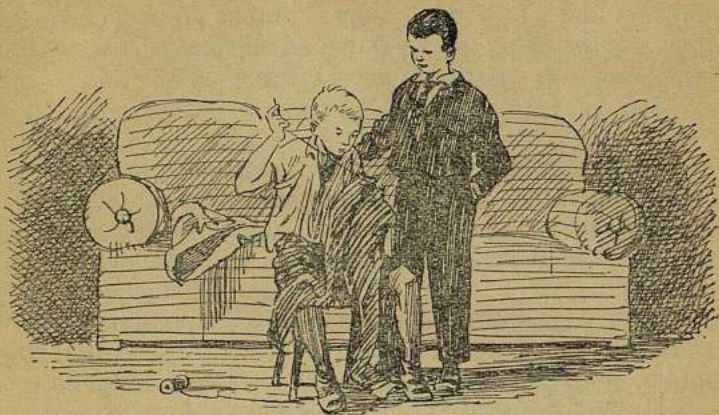
**
*

Так бесславно закончился отважный поход на собачьей упряжке. Пантелей сообщил поселковым ребятам о бедственном положении двух членов экспедиции, те надели лыжи и с хохотом отправились на помощь.

Ходят слухи, что Валерка с Петей предлагали впоследствии Пантелею снова пуститься с ними в экспедицию, но Пантелей, как рассказывают, ответил:

«Ну вас, ребята! С вами ещё пропадёшь...»

РАЙКИНЫ „ПЛЕННИКИ“

Раздался резкий, деловитый звонок. Рая вытерла руки о салфетку, повязанную вместо фартука, и открыла дверь. Вошёл семиклассник Лёва Клочков.

— Привет! — сказал он, снимая шубу. — Дома?

— В ванной сидит, — ответила Рая и ушла обратно в кухню, на ходу заплетая косички.

В квартиру недавно провели саратовский газ. Боря на первых порах принимал ванну раза по четыре в день. Вот и теперь он стоял перед умывальником, распарившийся, розовый, и, глядя в зеркало, водил расчёской по светложёлтым, торчащим ёжиком волосам.

— Здравствуй! — сказал он, не оборачиваясь, когда Лёва вошёл. — Ты хорошо сделал, что рано явился. У меня есть один проект.

— Именно? — коротко спросил Лёва.

Глядя в зеркало через плечо товарища, он при-
шлёпнул ладонью вихор на макушке, поправил белый
воротничок и красный галстук, подтянул застёжку-
молнию на чёрной блузе.

Друзьям нужно было иметь безукоризненный вид.
Доктор географических наук профессор Аржанский
обещал присутствовать сегодня на заседании школь-
ного краеведческого кружка. Лёва и Боря должны бы-
ли поехать за профессором и проводить его в школу.

Боря положил расчёску на умывальник:

— Понимаешь, хочу сегодня выступить. Надо про-
извести чистку в кружке. Ты как думаешь?

Лёва давно тренировался, вырабатывая в себе два
качества: способность оставаться невозмутимым при
любых обстоятельствах и привычку выражаться
кратко.

— Дельно! — сказал он.

— Так при профессоре и заявлю, — продолжал
Борис: — «Или, товарищи, давайте кончим всё это, или
давайте работать как следует». На носу лето, походы,
а тут возись с такими... вроде Игоря Чикалдина. Спо-
рим, что он не сможет правильно азимута взять!

Лёва кивнул головой:

— Факт.

— Ну вот! А Юрка Говоров топографии не знает,
костра в дождливую погоду развести не умеет. Спра-
шиваю его однажды: «Как сварить суп на костре, не
имея посуды?» Молчит, как рыба. Ну куда нам та-
кие!

— Балласт, — согласился Лёва.

Боря передохнул немного и продолжал:

— Это ещё ничего. Есть люди и похуже. Звоню
как-то Димке Тузикову по телефону: «Почему не
явился на занятия по добыванию огня трением?» —

«Мама, — отвечает, — не велела». Чего-то там делать его заставила. Ничего себе, а? Самостоятельный человек называется!

— Смешно, — пожал плечами Лёва.

— Так вот, мы сейчас до профессора зайдём к Виктору, посоветуемся, и все трое выступим на собрании.

— Боря! Борис! — закричала Рая из кухни.

— Что тебе?

— Борис, никуда не уходи: нужно сначала мясо проверить в мясорубке.

— Вспомнила! Нужно было раньше попросить! Мне некогда.

Рая появилась в дверях ванной, держа большую ложку, от которой шёл пар:

— Боря, я тебя уже просила, а ты всё «некогда» и «некогда». Проверни мясо! Мясорубка тугая, я сама не могу, а мама ушла и велела приготовить котлеты.

Боря уставился на неё, сдвинув светлые, чуть заметные брови:

— Слушайте, Раиса Петровна! Вам русским языком говорят: я тороплюсь, у меня поважнее дело, чем твои котлеты. Всё! Можете идти.

Но Раиса Петровна не ушла, а, наоборот, шагнула поближе к брату:

— Боря, вовсе я никуда не пойду, и ты тоже никуда не уйдёшь, пока не провернёшь мясо. Вот!

Боря повысил голос:

— Со старшими таким тоном не говорят! Ясно? Ну!.. Марш!

Взяв сестрёнку за плечи, Борис повернул её к себе спиной и легонько толкнул.

— И очень хорошо! И прекрасно! — закричала та удаляясь. — А ты всё равно не уйдёшь!

Боря сел на стул и принялся надевать носки.

— Маленького нашла! — ворчал он. — Брось всё и верти мясорубку! Распоряжается чужим временем!

Мальчишки направились в комнату. В коридоре они встретили Раю, которая несла подмышкой большую книгу.

— Сейчас, — сказал Борис, войдя в комнату. — Ещё две минуты, и я готов. — Он взял со стула парадные брюки и сунул свою правую ногу в штанину. — Да, Лёвка, сегодня поборемся! Кому-то жарко станет, кому-то... — Он замолчал и опустил глаза вниз, на брюки. — Гм! Что за чорт... Смотри!

На брюках не было ни одной пуговицы! Приятели молча посмотрели друг на друга и подошли к висевшему на спинке стула пиджаку: там тоже пуговиц не оказалось.

Боря взъерошил волосы:

— Что за чорт! А?

— Срезаны, — хладнокровно сказал Лёва и кивнул на обеденный стол: там лежали пуговицы и ножницы.

Боря покраснел так, что лицо его стало темнее волос. Торопливо скинув брюки, он в одних трусах отправился к ванной. Лёва последовал за ним.

— Р-праиса!

— Чего тебе? — послышалось за дверью в ванной.

Боря толкнул дверь, но она оказалась запертой.

— А ну, открой!

— Не открою, — ответила Раиса.

— Ага, понятно! Ты срезала пуговицы?

— Ну, я срезала.

— Зачем? Отвечай!

— Чтобы ты мясо провернул. Мне котлеты надо готовить.

Боря загрохотал кулаками по двери и закричал таким голосом, что кошка свалилась с новой газовой плиты:

— Раиса! Выходи немедленно! Слышишь!

— Вовсе я не выйду. Что я, сумасшедшая?

— Выходи сию минуту и пришей пуговицы!

— Проверни мясо, тогда пришью.

Громко дыша, Боря прошёлся по кухне и остановился перед Лёвой:

— Как тебе нравится, а?

Тот не потерял своего хладнокровия.

— Не волнуйся, — сказал он. — Психологию знаешь? Запри её самоё.

С наружной стороны двери была щеколда. Боря заложил её и громко сказал:

— Вот! Получай, Раиса! Будешь сидеть здесь, пока наши не придут.

— И пожалуйста! Я с собой «Двух капитанов» взяла.

Услышав такой ответ, Боря пал духом. Опять он в отчаянии воззрился на Лёву.

— Теряться нечего, — сказал тот. — Пришьём сами.

Друзья вернулись в комнату. Они решили, что Боря станет пришивать пуговицы на брюках, а Лёва — к пиджаку. Но в шкатулке нашлась только одна иглолка. Борис оторвал от катушки нитку и подошёл к лампе, висевшей над столом. Он слюнил нитку, разглаживал её между пальцами, задерживал дыхание, но нитка не лезла в ушко иглолки. Стоя возле него, Лёва советовал:

— Не волнуйся! Возьми себя в руки и не нервничай. Ты волнуешься — и ничего не выходит:

Борис наконец рассвирепел.

— На! Сам не волнуйся! — вскрикнул он и сунул иголку с ниткой Лёве в руки.

Тот рассмотрел как следует нитку и заявил, что она чересчур толста. Боря достал другую нитку. Она, правда, была розовая, но зато её быстро продели в ушко. Лёва посмотрел на часы.

— Семь минут прошло, — сказал он.

Пришивая пуговицу, Боря пять раз уколол себе палец и четыре раза порвал нитку.

— А теперь четыре минуты прошло, — сказал Лёва, разглядывая его работу. — Гм!.. Ты волнуешься и не туда пришил.

— Чего ты мелешь — «не туда»? Где не туда?

— Вот видишь, где петля, а где пуговица!

Лёва отпорол пуговицу и взялся пришивать её сам. Он работал с большим самообладанием, пришил пуговицу правильно и затратил восемь минут. После этого он встал со стула и размеренными шагами прошёл по комнате.

— Безнадёжно, — сказал он.

— Ничего не безнадёжно! — отозвался Борис. — У нас целый час времени.

Лёва пожал плечами:

— Простая арифметика! Времени — час. От тебя до профессора — пятнадцать минут. От профессора до школы — столько же... На одну штуку мы затратили... семь плюс четыре и плюс восемь... затратили девятнадцать минут... Теперь, конечно, дело пойдёт быстрее. Натренировались. Считай — по пятнадцати минут. На брюках их пять, а на пиджаке — четыре.

Вторые Борины брюки мать распорола для перелицовки. Были у него ещё одни, но все в заплатках. Боря пришёл в страшную ярость. Он кричал, что сегодня же оторвёт Раисе уши, что отныне не скажет с ней ни

слова и что, если родители не перевоспитают её немедленно, он уйдёт из дому.

— Криками не поможешь, — сказал Лёва. — Возьми себя в руки и пойдёшь поговори. Подействуй на неё силой убеждения.

Товарищи снова очутились в кухне. Боря заговорил негромко и очень сдержанно:

— Рая! Раиса, ты слышишь?

— Ну? — ответили из-за двери.

— Раиса, вот что я тебе скажу: я тебя, так и быть, выпущу, но чтобы это было в последний раз! Понимаешь?

— Понимаю. А я не выйду.

Боря вздохнул, подтянул трусы и продолжал уже совсем кротко:

— Рая, послушай-ка, ты ведь не маленькая, так? Мне нужно скоро уходить, а...

— И уходи. Кто тебя держит?

Лёва заглянул в замочную скважину и сказал убедительным тоном:

— Рая, нужно всё-таки сознавать! У Бориса очень важное дело.

— Котлеты тоже важное дело. Отец придёт с работы — что он будет есть?

Семиклассники помолчали в раздумье.

— Глупо! — тихо сказал Лёва.

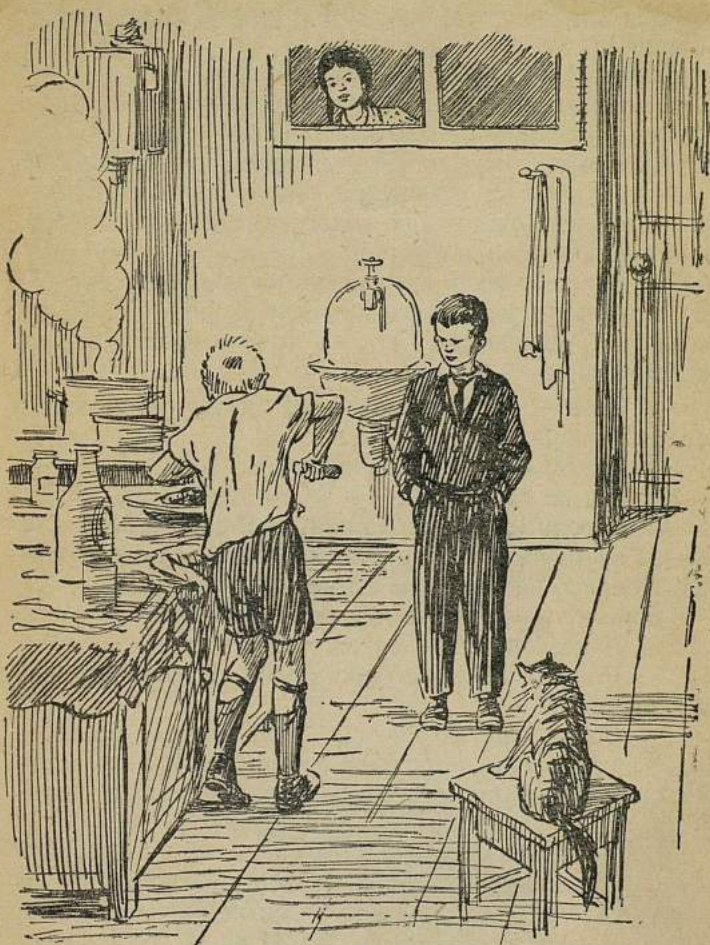
— Что глупо? — так же тихо сказал Борис.

— К чему ты затеял всю эту возню? Провернул бы мясо — и дело с концом!

Борис долго грыз ноготь на большом пальце, потом открыл щеколду:

— Ну ладно, Райка! Выходи. Мы провернём.

— Нет, вы сначала проверните и покажите мне. Я встану на умывальник и посмотрю в окно.

Под потолком в стене ванной было застеклённое окно. Напрасно товарищи упрашивали Раису выйти немедленно, говоря, что так она не успеет пришить пуговицы. Рая стояла на своём. Делать было нечего! Два авторитетных члена краеведческого кружка покорились. Мясорубка была неисправная и очень тугая, но Боря вертел её с такой быстротой, что килограмм говядины очень скоро превратился в фарш. Лицо Бориса блестело от пота, но голос его стал попрежнему строгим, когда он заговорил:

— Вот тебе мясо. Кончай эти штучки и выходи!

В ванной послышался какой-то шорох: это Раиса лезла на умывальник. Скоро её голова показалась за стеклом окна.

— Вот! — сказала она. — И стоило из-за этого столько спорить!

— Хватит болтать! Выходи!

Но Рая не вышла.

— Погодите, — сказала она. — Я с вами потеряла много времени, а мне нужно ещё снять бельё с чердака. Пойдите на чердак и снимите.

Боря чуть не уронил тарелку с фаршем.

— Издеваешься! — сказал Лёва.

— Раиса!.. Ты эти штучки брось, ты меня знаешь! Лучше брось!

— Вовсе я не издеваюсь. Мне одной раза четыре пришлось бы на чердак подниматься, а вы вдвоём сразу всё бельё унесёте. А я буду обед готовить.

Борису очень хотелось плюнуть на всё и взять Раису измором, проучить хорошенько эту девчонку. Но он подумал, как будет глупо, если он не попадёт к профессору и на заседание кружка. И из-за чего! Из-за каких-то пуговиц и упрямой сестрёнки!

Кончилось дело тем, что они с Лёвой отправились на чердак, принесли оттуда бельё и показали его Раисе.

Краеведы слышали, как она спрыгнула с умывальника.

— Увидишь, — шепнул Борис товарищу: — только пришьёт пуговицы, все уши оторву! — Он посмотрел на дверь и сказал громко: — Ну, Раиса!

— А теперь... теперь самое последнее, — решительно заговорила Рая. — Теперь знаете что? Теперь повторяйте оба вместе: «Мы даём честное пионерское слово, что даже пальцем не тронем Раю, когда она выйдет из ванной».

Повторять эту фразу было для краеведов труднее всего. Но они всё же повторили её замогильными голосами.

Щёлкнула задвижка, дверь открылась, и Рая быстро прошла мимо краеведов.

Через пятнадцать минут друзья вышли из дому. За всю дорогу они не сказали ни слова, и на бурном заседании краеведческого кружка оба хранили угрюмое молчание.

СОДЕРЖАНИЕ

Учитель плавания	• • • • •	3
Собачья упряжка	• • • • •	19
Райкины «пленники»	• • • • •	38

100 =
Цена ~~75~~ коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.

Ответственный редактор С. Миримский. Художественный редактор
Н. Комарова. Технический редактор Р. Прозоровская.
Корректор Б. Третьяченко.

Сдано в набор 31/X 1952 г. Подписано к печати 16/XII 1952 г.
Формат 60×84¹/₁₆—1,63 бум. = 2,97 печ. л. (2,1 уч.-изд. л.).
Тираж 100 000 экз. А08550. Зак. 4047.
Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Типография изд-ва «Московская правда». Потаповский пер., 3.